

Оселков А.А. К анализу причин экстремистского поведения несовершеннолетних правонарушителей // Перспективы развития ювенального права и ювенальной юстиции в Российской Федерации: Материалы Всероссийской научно-практической конференции / Сост.: Л.А. Чикин, А.В. Яковлев; Поморский гос. университет им. М.В. Ломоносова. – Архангельск: Поморский университет, 2008. – С. 69-76 (336 с.).

В статье автор обозначает актуальность проблематики проявлений экстремистской деятельности в России, в особенности в отношении криминальных проявлений социальной неприязни у молодёжи. Выделены шесть причин её формирования с ракурса психологического анализа, куда вошли усиление миграционных процессов, конкуренция на рынке труда, ухудшение условий жизни, криминальный фактор, потребность во включении в соответствующую субкультуру, теснота контакта с данным социумом; приведены примеры.

Всё чаще в выступлениях представителей правительства РФ звучат призывы к борьбе с экстремизмом, в первую очередь, с целью предотвращения попадания молодёжи в эту среду. Процент несовершеннолетних включаемых в такие виды экстремистской деятельности, как терроризм [3, с. 160], возбуждение социальной вражды и ненависти очень высок; в неонацистских и неоязыческих группировках он, как правило, превышает процент взрослых, что обусловлено причинами, которые будут раскрыты ниже. Из-за специфики законодательства и того, что основные принципы ювенальной юстиции только начинают внедряться в правосудие в отдельных регионах, отлаженного механизма помощи несовершеннолетнему правонарушителю, по аналогии с тем, который реализуется за рубежом государственными и общественными организациями, в нашей стране на данный момент нет [6; 350]. А для нивелировки ксенофобских процессов и предотвращения экстремистской деятельности необходимо изменение условий, являющихся их источником. Это является содержанием субъективной стороны преступления, к которой мы и обратимся далее.

На основании обзора исследований, посвящённым социальной напряжённости за последние годы, а также уголовных дел, материалов судебных экспертиз (в основном психологических и лингвистических), мы выделили шесть базовых причин её формирования. Возможно продолжение списка, однако остальные факторы, также влияющие на возникновение социальных конфликтов либо просто коррелируют с указанными нами феноменами, влияя на факторы, т.е. опосредованно воздействуя на социум, либо являются логическим продолжением элементов этого списка. *Усиление миграционных процессов* является количественной стороной возникновения и усиления ксенофобии в России, как и многих других странах; *конкуренция на рынке труда* является собственно причиной негативных проявлений в отношении чужих социальных групп, также, по аналогии с предыдущим фактором, является качественной причиной; *ухудшение условий жизни* является её противоположной стороной, в том смысле, что создаёт в первую очередь экономическую неэффективность, которая и приводит к ужесточению

конкуренции; *криминальный фактор* является условием формирования ксенофобии, а также её поддержки и развития, повышает её уровень; как дополнение, *потребность во включении в соответствующую субкультуру* создаёт образ «своих» как «те, кто противостоят чужим» и делает его позитивным; *теснота контакта с более эффективным социумом* приводит к снижению возможности ухода от конфликта, избежать его.

Первым фактором является *усиление миграционных процессов*, которое приняло массовый характер со времён Советского Союза. Это связано с ослаблением контроля за данными процессами, которые в СССР жёстко контролировались государством. Если в Москве в 1901 году, например, согласно переписи населения, проживало 1121120 русских, 18190 немцев, 11046 поляков, 5648 татар, башкир и чувашей вместе, 4879 евреев, 2805 французов, 1705 армян и 223 грузин, то в 2001 году в Москве насчитывалось 1 миллион азербайджанцев, 500 тысяч армян и более 1 миллиона татар [1, с. 30].

Если бы такое изменение численности происходило в течение нескольких веков, а, ещё лучше, нескольких десятков веков, и имело более постепенный, плавный характер, Российское общество с большей лёгкостью адаптировалось бы к изменению внутренних условий. Происходила бы постепенная интеграция культур, наше государство смогло бы стать многонациональным не только *de jure*, но и *de facto*. А, поскольку, данный процесс произошёл несравнимо быстрее, и его скорость всё возрастает, несмотря на заведомое создание необходимых правовых норм, реальные социальные законы измениться не успели. Вспомним, что правовые нормы являются только одним из видов социальных норм наряду с нормами морали и нравственности, обычаев, ритуалов и т.д., причём в конкретных жизненных ситуациях граждане могут ориентироваться на любые из них. В связи с этим Российский социум просто оказался не готов к столько оперативно меняющимся внутренним условиям.

В порядке обратной связи отразилось это и на правовых нормах. Так, например, по статье 282 УК РФ («возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства») в 2002 году по данным официальной статистики правоохранительными органами России было зарегистрировано лишь 74 преступления, в 2003 – 72 преступления, а в 2004 – 59. При этом данные мониторингов нарушений прав человека на тот же период времени, проведённых правозащитными организациями, а также специальных мониторингов материалов СМИ свидетельствуют о том, что преступлений подобной направленности совершалось и совершается несравнимо больше, что позволяет сделать вывод о том, что эти цифры не отражают реального положения дел [4; 39].

Законодатели также не всегда успевают за изменяющимися условиями. Даже сейчас во многом ещё заметны советские социальные механизмы, которые работают активно, но малоэффективно или вовсе неэффективно, как уже устаревшие.

Вторым фактором, определяющим на практике проявление вражды в социальном плане, является *конкуренция на рынке труда*. Во многих сферах производства в России в связи с глобальным преобразованием системы

поддержки предприятий государством по сравнению с СССР, наблюдается сильный спад активности, в результате чего происходит рост безработицы. Экономические и социальные реформы требуют специалистов новых профилей, система образования пытается переориентироваться на новые запросы. Но на все эти процессы, соответственно требуется время, поэтому в большинстве отраслей хозяйства возникают периоды, когда не хватает одних специалистов (запрос на которых продолжает расти) и избыток представителей других специальностей (многие из которых ещё не ушли на пенсию или подготовлены по «уже ненужному профилю», – большинство российских вузов слишком медленно перестраиваются под непрерывно сменяющиеся условия страны). Многие граждане России могут на довольно долгое время быть без постоянного трудоустройства или быть безработными долгий период жизни (это проявляется как в отношении женщин, так и мужчин).

Вместе с тем количество иммигрантов растёт. Многие из них переселяются из мест с довольно тяжёлыми жизненными условиями и легко соглашаются на достаточно тяжёлую и непрестижную работу.

При этом иммигранты «вкальывают», понимая, что для них это вопрос выживания. Этим они создают очень серьёзную конкуренцию для «коренного населения», которое к ней абсолютно не готово. Русский человек по вышеописанным причинам не может устроиться на хорошую, статусную и высокооплачиваемую работу, долгое время сидит дома. Когда, наконец, собственный стыд, поощряемый родными, близкими и знакомыми, он «наступает на горло собственной песне», устраиваясь на работу, которая является «недостойной», «для неудачников», чувствуя борьбу с собственной гордостью; и здесь он замечает, что на этих местах уже много «не своих», «чужаков», «иноземцев», говорящих на незнакомых ему языках. У него возникает ощущение, что его «вытесняют» из сферы профессиональной деятельности, тем самым не давая ему возможности обеспечивать не только приемлемое социальное положение, но и базовое материальное обеспечение себя и семьи, т.е., фактически, выживание. Результатом во многих случаях становится не только вербальная, но и физическая агрессия.

Поскольку для работы в чужой стране необходима более высокая эффективность, чем в привычных условиях, у китайских иммигрантов было сильно развито то, что называется «чувством землячества». Говоря другими словами, они старались жить вместе, компактно, обособленно от местного населения, выручали и поддерживали друг друга. Все это способствовало созданию среди них общественных организаций, самоуправления, круговой поруки, аффилиации по отношению к группе «иммигрантов-соотечественников», созданию «китайской диаспоры».

Во многих случаях этот процесс приводит к формированию «торгово-предпринимательских меньшинств», суть которого заключается в том, что некие этнические или религиозные меньшинства специализируются в сфере предпринимательства, приобретая в результате этого целый комплекс специфических социокультурных особенностей [2; 192-193]. Этот результат закономерен, т.к. иммиграция в страну с огромной территорией, значительным

количеством природных ресурсов чаще всего и обусловлена экономическими причинами. В связи с этим в противопоставлении «мы-они» образ «они» объективизируется благодаря особенностям внешности, одежды, речи, ритуалов и т.д. Таким образом, противостояние принимает более конкретные формы, противопоставление себя чужакам усиливается за счёт атрибутов.

Помимо этого не стоит забывать и **криминальный фактор**. На одной субъективной неприязни ксенофобия может формироваться достаточно быстро и легко, но будет иметь локальный и временный характер, так как основывается в основном на аффектах. Однако действительно имеют место и случаи преступлений представителями иноземных этнокультур в отношении местного населения, не заботящихся о последствиях своих действий, что как раз и основывается на ощущении себя чужим в этой стране. В 1995 году около 10% зафиксированных преступлений в России было совершено иностранцами и лицами без гражданства; в Москве в том же году – около 1/3 всех преступлений [5; 151]. По данным Генпрокуратуры около 96 тысяч преступников на 2001 год в России скрывались под видом иммигрантов. К ним относились и лица, разыскиваемые за особо опасные преступления: убийства, наркоторговлю, терроризм. Причём терроризм редок в отношении своей страны по определению, в случае если страна представляет собой единый социум, почти всегда направлен на внешнего «врага».

Что же касается наркотиков, количество импортируемых и ранее стремилось и сейчас стремится к ста процентам по отношению к «местным» наркотическим и психотропным веществам. Например, согласно официальным данным, около 90 процентов героина доставляют в Московскую область из Афганистана. В 2001 году зафиксировано 15 случаев поставки наркотиков из стран ближнего зарубежья (Кавказ и Средняя Азия) и семь – из дальнего (Таиланд и Гонконг). В России на начало 21 века доля русского населения составляла 82-85 процентов, а доля иностранных граждан среди наркоторговцев по словам руководителя Центра по предотвращению экстремизма института социологии РАН профессора Эмиля Паина – 46,7% [1; 36].

В значительной степени инициатором этнических и национальных конфликтов стали военные действия в Чечне. Сам факт противостояния, связанного с насилием был уже довольно сильной причиной возникновения ксенофобских настроений у населения России. Например, матч Россия-Япония по футболу, прошедший в Москве 9 июня 2002 года привёл к погромам корейских и китайских ресторанов, а также массе потасовок, в частности, на Манежной площади. Обратим внимания, что агрессия, носящая массовый характер, направилась на всех представителей дальневосточной Азии, а не только на Японцев, хотя была связана лишь со спортивной игрой. Заведомо более высокая агрессия возникала в отношении кавказцев (не только чеченцев), во время военного конфликта, в котором погибло много людей и в который могли отправить для прохождения службы практически любого призывника в РФ. Данный конфликт подогревался СМИ, в эфире можно было услышать о продаваемых на «Горбушке» видеокассетах с записью казни русских солдат,

что стало причиной появления большого количества страхов на социальном уровне. Это подтверждается популярностью «кавказской» темы в фильмах (практически всегда довольно жестоких) и книгах тех лет, точно так же как и «мусульманская» тема в американских фильмах после 11 терактов в 2001 году.

Ухудшение условий жизни, в первую очередь, в экономическом отношении, является одним из наиболее важных факторов формирования ксенофобии и экстремистских проявлений. В первой половине прошлого века мировой экономической кризис, названный в СМИ «Великая депрессия» привёл к серии самоубийств крупных бизнесменов в благополучном США. В менее благополучной Германии это привело к социальной агрессии не на наиболее экономически эффективную (таких рядом просто не оказалось, т.к. кризис был поистине мировым), а на наименее неэффективную часть населения – евреев, что послужило началом Второй Мировой войны.

Аналогичные процессы в странах Ближнего Востока привели к серии терактов в отношении США, как наиболее экономически эффективной страны в настоящий момент. Если обратить внимание на тексты ксенофобов, которые при судебных разбирательствах проходят по статьям 282 и 280 УК РФ («Возбуждение розни» и «Экстремизм» соответственно), то текстах, распространяемых в европейской части РФ – это возбуждение вражды либо унижение в отношении евреев, американцев (применение словосочетания «еврейско-американская мафия» или «еврейско-американское правительство России» с последующими приписываемыми им «злодеяниями»). В восточно-сибирской части России – объект сменяется на южных соседей-азиатов, в первую очередь китайцев, т.к. контакты с ними там очень высоки, многие сибиряки отмечают, что русско-китайская граница работает в очень свободном режиме. В Центральном и Южном федеральном округах к евреям и американцам добавляются кавказцы и переселенцы из Средней Азии. Что интересно, в аналогичных текстах, распространяемых в Чечне, речь идёт о «русско-американских захватчиках», «русско-еврейском геноциде чеченского народа».

Можем обратить внимание, что здесь важны два фактора: 1) контакт социума с ухудшающимися условиями жизни с социумом более благополучным (в сравнении, конечно же) и 2) *теснота данного контакта*.

Последний в перечислении, но не последний по значимости фактор – *потребность во включении в молодёжную субкультуру*. Аффiliation, как необходимость принадлежности к какой-либо группе, («a need to belong») наиболее характерна для подросткового возраста. Поскольку паспортный возраст, как правило задерживается, по сравнению с психологическим, наиболее значима аффiliation для подросткового и юношеского возраста. Как отмечают герои документального фильма «Skinhead Attitude», многие люди уходили в скинхеды для того, чтобы можно было противопоставить себя родителям, учителям, правительству и т.д. Наличие атрибутов позволяет легко включиться в любую группу. Поэтому многие подростки могут становиться скинхедами-неонацистами («бонхедами»), побрив голову, нося милитаристскую и нацистскую атрибутику.

Подросток уже не является ребёнком, поэтому родитель уже не может решать все его проблемы, но при этом он ещё не взрослый, так что не может решать их сам. Как итог, такие подростки собираются в группы, в которых хотя бы вместе они могут хоть что-то делать, добиться хотя бы минимальной эффективности. А, поскольку, став группой, они должны занять какое-то место в социуме, возникает своя субкультура – нормы, правила, традиции, обычаи и атрибуты. А далее члены группы просто воспроизводят групповые процессы, даже если лично они не разделяли бы определённые их ценностей данной группы, не осуществляли бы определённые действия, решающие групповые задачи и т.д. «Принадлежность» даёт подростку или юноше, бывшему правонарушителю статус «борца против кавказцев и азиатов», «защитника идеи», «патриота России» в своих глазах и глазах значимых для себя людей [1; 42].

Список использованной литературы:

1. Беликов С.В. Бритоголовые: всё о скинхедах: Эксклюзивные материалы. – М.: Изд-кий центр РГГУ, 2002. – 176 с.
2. Дятлова Е.В. Опыт длительного проживания иностранных мигрантов в России: китайцы в Сибири / Психология беженцев и вынужденных переселенцев: опыт исследований и практической работы / под ред. Солдатовой Г.У. – М.: Смысл, 2001. – С. 192-207 (279 с.).
3. Енгальчев В.Ф. Мотивация телефонного терроризма несовершеннолетних // Актуальные вопросы преступности несовершеннолетних» (юридические, психолого-педагогические и социальные аспекты). – Вологда, 2001. – С. 160-162.
4. Кроз М.В., Ратинова Н.А. Социально-психологические и правовые аспекты ксенофобии. — М.: Academia, 2005. — 52 с.
5. Пак П.А., Лихолат И.Г., Сущенко С.А. Криминология в вопросах и ответах. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2000. – 224 с.
6. Шипшина О.С. Возможности использования методов структурированной оценки риска рецидива правонарушений у несовершеннолетних // Материалы 4 съезда Российского психологического общества «Психология – будущему России». Том 3. – М.-Ростов-на-Дону: изд-во «Кредо», 2007. – С. 350 (402 с.).